

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

M. Nomachi, A. Danylenko, P. Piper (eds). Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36th meeting of the Commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International Committee of slavists. München: Verlag Otto Sagner, 2014. 436 p. (Die Welt der Slaven. Bd 55.) ISBN 978-3-86688-520-2.

Галина Ивановна Кустова

Galina I. Kustova

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, 119019, Российская Федерация

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation

galinak03@gmail.com

galinak03@gmail.com

В сборнике «Грамматикализация и лексикализация в славянских языках» опубликованы труды участников одноименного международного симпозиума в Саппоро (11—14 ноября 2011 г.). Проблемы анализа процессов грамматикализации и лексикализации и отражения результатов этих процессов в грамматиках и словарях постоянно встают перед грамматистами, лексикографами, типологами, однако в последние десятилетия эти проблемы выдвинулись на первый план, о чем свидетельствуют многочисленные исследования (ср., например, [Hopper, Traugott 2003; Traugott 2005]) и представительные лингвистические форумы, в том числе симпозиум в Саппоро.

Существуют разные подходы к проблемам грамматикализации, связанные с научной методологией, материалом (история или современное состояние одного языка, контрастивные и типологические исследования группы языков), традициями национальных лингвистических школ. Хотя отдельные авторы сборника (Р. Ницолова, А. Даниленко, Г. Корбетт) и предпринимали попытки сформулировать некоторые общие принципы и направления в изучении грамматикализации, в целом участники симпозиума не ставили перед собой такой глобальной задачи, и рецензируемый сборник представляет собой в основном публикацию текущих результатов исследований славистов. Однако эти частные результаты, несомненно, содержат полезные идеи и ценный языковой материал для разработки концептуального аппарата анализа грамматикализации.

Сборник разделен на шесть тематических разделов.

Большинство статей первого раздела «**Диахронические подходы**» посвящено грамматическим явлениям в старославянском и древнерусском языках. Исключение составляет статья **Руселины Ницоловой** (Ruselina Nitsolova) «Корреляция между формальными и семантическими изменениями в грамматикализации», содержащая обзор болгарского материала. Эту работу можно считать одной из главных теоретических статей рецензируемого сборника, поскольку в ней систематизируются не только ключевые проблемы теории грамматикализации, но и ключевые участки грамматической системы, где чаще всего происходит грамматикализация.

Автор выделяет два основных источника грамматикализации (т. е. два типа исходных языковых единиц, участвующих в этом процессе). Источником грамматикализации может быть (а) грамматическая же единица, которая служит базой формирования ранее не существовавшей в языке грамматической категории или участвует в преобразовании существующих единиц. Примером первого процесса служит категория эвиденциальности, сформировавшаяся в языках балканского и западноазиатского ареалов. Так, например, в болгарском

языке в результате грамматикализации на базе перфектных форм индикатива в сочетании со служебным глаголом или без него развилась грамматическая временная подсистема из трех новых форм с эвиденциальным компонентом: конклюдив, ренарратив и дубитатив. В результате сложилась новая, четырехчленная, система форм эвиденциальности: индикатив, конклюдив, ренарратив и дубитатив. Члены этой категории выражают различные информационные (у автора — когнитивные) состояния говорящего, обусловленные характером источника информации. Эта новая грамматическая категория выражает, по мысли автора, субъективность в языке. Примером второго процесса (преобразования существующих единиц) является развитие системы местоимений. Неопределенные, отрицательные и генерические (определительные) местоимения в славянских языках образовались на базе вопросительных. В результате возникла симметрия между формой и значением, что привело к гармонизации славянской системы местоимений. Этот процесс рассматривается как появление новых форм для старой категории.

Если исходной точкой грамматикализации является (б) лексическая единица, которая постепенно превращается в грамматический показатель, то этот процесс, в общем случае, может включать следующие фазы (хотя они не обязательно реально представлены все): свободная лексическая единица > функциональное (служебное) слово > клитика > аффикс > нуль. В качестве одного из примеров приводится процесс формирования аналитических форм болгарского футурума: в древнеболгарском в них использовались формы глагола *хотѣти*, имевшего статус вспомогательного глагола, а в современном болгарском он функционирует уже как клитика (частица): *ще чета* ‘буду читать’.

Лексема — источник грамматикализации может исчезнуть из лексической системы в исходном значении (как глагол *хотѣти*, который употребляется только в составе форм футурума, а в лексической системе современного языка замещен глаголом *искам*), а может, получив служебную функцию в грамматической системе, сохранить и исходное значение в лексической системе (как англ. глагол *go*, ср.: *I am going to the cinema* ‘я иду в кино’ — *I am going to write the article* ‘я собираюсь писать статью’).

В статье также систематизируются типы фонетических, морфологических и синтаксических изменений, сопровождающих грамматикализацию.

В статье Йана Ивара Бьёрнфлатена (Jan Ivar Bjørnflaten) «Утрата согласования и декаатегоризация предикативных причастий в старославянском» исследуются механизмы утраты согласования с существительным у старославянских причастий (термин «предикативные причастия» употребляется автором применительно к аппозитивным употреблением активных причастий, ср.: *повели ми древле шьдѣше погрети отца моего*). Результатом действия этих механизмов было формирование деепричастий. Однако задача автора — не исследование формирования славянских деепричастий (этому посвящены другие его работы, ср. [Bjørnflaten 2009]), а исследование самого процесса утраты согласования и его осмысление в рамках теории грамматикализации. Сущность грамматикализации автор вслед за [Traugott 2005: 629] видит в сдвиге, переходе от более свободных, полных и сложных форм к более простым и связанным. Упрощаясь, форма теряет прежние морфологические и синтаксические признаки, которые не нужны для выполнения новых функций. Что касается обсуждаемой группы славянских причастий, то они утратили флексию и, соответственно, способность выражать род, число и падеж.

Главный вывод автора состоит в том, что утрата согласования происходит в определенных условиях, а именно если субъект (агенса) предикативного причастия стоит в дативе (в более общей формулировке — не в номинативе). Объяснение того, что послужило толчком для утраты согласования, автор основывает на анализе конструкций из Супрасльской рукописи с глаголами *велѣти*, *повелѣти*, управляющими дативом, ср.: *Повелѣ воиномъ своимъ шьдѣше въ црькъве и реци пискѹпѹ сисинию* (Supr. 111/2—11). В этом предложении именная группа *воиномъ своимъ* является объектом (автор говорит «пациентом»), но лучше сказать — адресатом) глагола *повелѣти* и субъектом (агентом) предикативного причастия *шьдѣше*, что порождает конфликт двух возможных интерпретаций.

Предикативное причастие, контролируемое именной группой в дательном, имеет в этом предложении окончание не дательного, как ожидалось бы по правилам согласования, а именительного мн. ч. м. р. Автор исходит из того, что конструкция (1) **Повелѣ воиномъ своимъ шѣдѣше въ црькѣе и рещи пискѹпѹ сисиниѹ** является искажением правильной конструкции (2) ***Повелѣ воиномъ своимъ шѣдѣшемъ въ црькѣе и рещи пискѹпѹ сисиниѹ**, где сохраняется согласование причастия с существительным в дательном. Однако эта правильная конструкция имеет два возможных анализа: **Повелѣ воиномъ своимъ** (глагол + объект) или ***воиномъ своимъ шѣдѣшемъ**, с согласованным причастием в дат. мн., которая может интерпретироваться как двойной дательный (double Dat, с. 24). Совмещение этих двух интерпретаций в рамках одного предложения привело бы к разрушению смысла. Выбор второго анализа дает смысл 'он приказал в то время, когда воины шли' ('(he) ordered, while the soldiers were walking' или 'at the time when the soldiers were walking', с. 24), который не соответствует предложению греческого оригинала, означающему 'приказал солдатам пойти и сказать епископу' (надо заметить, что передача смысла второй интерпретации с помощью прогрессива ('(he) ordered, while the soldiers were walking') не кажется удачной, так как в тексте скорее описывается ситуация, соответствующая совершенному виду: 'приказал воинам прибывшим /пришедшим').

Чтобы избежать ненужного смысла, конструкция **воиномъ своимъ шѣдѣшемъ** переосмысливается как агенс, контролирующий предикативное причастие, что не может быть понято как двойной дательный. Поскольку именная группа **воиномъ своимъ** не может изменить падеж, так как он управляется глаголом **повелѣ**, единственным средством разрешения этого конфликта, по мнению автора, становится изменение дательного падежа причастия на другой падеж. Происходит замена на именительный как наименее маркированный падеж.

Предлагаемая автором гипотеза в целом представляется вполне правдоподобной и оригинальной, но, как кажется, нет достаточных подтверждений того, что такие конструкции действительно воспринимались носителями языка как конфликтные и неоднозначные, т. е. требующие радикальных изменений в согласовании.

Юкико Маруяма в статье «Употребление дуальных форм в житийных текстах старорусского периода: лексический, грамматический и прагматический факторы» на материале трех житий (Житие Стефана Пермского (ЖСП), Житие Сергия Радонежского (ЖСР), Повесть о боярыне Морозовой (ПБМ)) исследует особенности использования форм двойственного числа в житийных текстах XV—XVII вв. По данным таких бытовых текстов, как грамоты [Зализняк 1995], категория двойственного числа была утрачена уже к XIII в. В книжных памятниках дуальные формы «использовались как признак книжности» (с. 51). Однако, в отличие от других авторов, анализировавших только лексический и грамматический аспекты употребления дуальных форм, Ю. Маруяма учитывает также прагматический аспект. Автор приходит к выводу, что в житиях XV в. ЖСП и ЖСР главную роль играют лексические факторы (например, *колено, ланита, нога, око, рамо, рука, ухо* употребляются преимущественно в дв. ч., тогда как *зеница, плеще, ручица, стопа, челюсть* — преимущественно во мн. ч.), тогда как в ПБМ XVII в. лексический фактор большого значения не имеет (дв. и мн. ч. слов *рука* и *нога* употребляются примерно одинаковое количество раз), а прагматический фактор, напротив, играет активную роль. В подтверждение этого тезиса автор приводит следующие наблюдения: дв. ч. используется при описании Феодоры (иноческое имя Ф. П. Морозовой) и ее сторонников, а мн. ч. — при описании сторонников царя: *Феодора же яко узре любезную свою и прием ю за обе рѹце; <...> не точно бо своима ногама никогда не восхоте*, ср. описание ног караульщика: *к ней взыде княгиня Евдокия и на крыльце мимо ног караульщика прошла* (с. 55). Еще один пример действия прагматического фактора в ПБМ: при описании радостных, чудесных событий в жизни Феодоры и ее единомышленников используются формы дв. ч., а в сценах жестоких страданий — формы мн. ч. Однако и в более ранних памятниках XV в. на выбор форм числа влияют нарративные стратегии, связанные с сюжетом и отношением пишущего к событиям, например, с помощью форм мн. ч. подчеркивается противопоставление человека Богу (с. 58). Вывод автора: по мере ослабления лексического

и грамматического факторов на первое место выходят дискурсивные стратегии, тесно связанные с фактором прагматическим. «Возможно, именно это и привело к окончательному исчезновению дуальных форм и в книжном языке» (с. 61).

Фумиаки Хаттори в статье «О некоторых примерах с формой прошедшего времени в Архангельском Евангелии 1092 г.» обращается к точке зрения ряда лингвистов (Б. А. Успенского, К. В. Горшковой, Г. А. Хабургаева), что в древнерусской живой речи не было ни формы имперфекта, ни формы аориста. В подтверждение этой точки зрения автор приводит материал из Архангельского Евангелия, а именно анализирует замены, которые допускали писцы. Ф. Хаттори считает, что поскольку писцы заменяли формы, чуждые языку повседневного общения, на более простые и понятные, то многочисленные замены аориста и имперфекта на *л*-формы (ср. **место. идеже лежа** (Мар.) — **места. идеже лежалъ** (Арх.)) и другие замены в Архангельском Евангелии можно считать свидетельствами того, что к XI—XII вв. таких форм в живой речи уже не было.

В разделе «**Синхронические подходы**» обсуждаются случаи грамматикализации в современных славянских языках. **Предраг Пипер** в статье «О грамматикализации сербских фемининативов» отмечает значительный рост числа социальных фемининативов в сербском языке (под влиянием социальных факторов), в том числе дублетных, ср.: *професорка*, *професорица*, которые вступают в корреляцию с соответствующими существительными мужского рода, в результате чего привативное противопоставление м. р. и ж. р. в системе личных функциональных существительных заменяется эквивалентным. Это приводит к сужению возможностей использовать гендерно нейтральную форму (каковой традиционно служила форма м. р.). Непоследовательность внедрения политкорректных фемининативов приводит к согласовательным и другим языковым конфликтам.

Элеонора Йовкова-Сии (Eleonora Yovkova-Shii) в статье «Грамматикализация болгарских причастий на -л: функционально-семантический сдвиг от вида-времени к модальности» рассматривает функционально-семантический сдвиг от видо-временного значения к модальному в причастиях как формирование более грамматикализованных показателей из менее грамматикализованных. Автор считает, что причастия на -л претерпевают декаатегоризацию видо-временного значения в результате процесса субъективации, т. е. сдвига от более конкретного (пропозиционального) объективного значения в сторону более абстрактного (не-пропозиционального) экспрессивного значения. Автор исходит из того, что любой сдвиг такого типа (от пропозиционального значения к модальному) дает более грамматическое значение, и такой процесс односторонен (в том смысле, что обратный переход — от экспрессивного значения к пропозициональному — практически не представлен). Другой принципиальный для автора момент — сдвиг рассматривается как явление, относящееся к области синхронии. Схема сдвига такова: видо-временное значение > видо-временное + модальное > модальное (эвиденциальность).

В отличие от других авторов (Г. Герджикова, И. Куцарова, Ю. С. Маслова), которые анализировали аористные причастия с видо-временным и модальным значением как омонимичные формы, Э. Йовкова-Сии рассматривает их как синонимичные, а синонимию, в свою очередь, — как важный фактор процесса грамматикализации, так как именно синонимия объясняет совмещение (сосуществование) двух грамматических значений в синхронии (с. 91). Автор последовательно описывает функции аористных причастий, сохраняющих вспомогательный глагол в 3 лице, переходя от немодальных значений (в составе перфекта: *Влакът е пристигнал* 'Поезд прибыл') к модальным. Так, у предложения *Иван е дошъл* усматривается кроме перфектного значения ('Иван пришел' — в ситуации, когда наблюдатель видит Ивана в момент наблюдения, но не видел его прихода) два модальных значения: вывод (инферентивное значение) — когда наблюдатель видит ботинки Ивана у входа, и удивление (адмиративное значение) — если наблюдатель не ожидал прихода Ивана. Наличие у морфемы нескольких значений автор, вслед за Дж. Байби, рассматривает как генерализацию, когда грамматическая форма начинает выражать более широкий спектр значений.

Генерализация, в свою очередь, свидетельствует о незавершенном процессе грамматикализации и рассматривается как его промежуточная фаза (в схеме подчеркнуто): $A > \underline{A + B}$ (или $\underline{B/A} > B$). Когнитивную базу для образования модального значения вывода (инферентивного значения эвиденциала) из аспектуального значения перфекта автор видит в том, что оба представляют событие не как таковое, а через результат. Адмиративное значение наиболее естественно возникает в высказываниях с третьим и вторым лицом субъекта.

В отличие от распространенной трактовки адмиративных употреблений *л*-форм как расширения эвиденциальных, автор предлагает различать эвиденциальное и неэвиденциальное (адмиративное) употребления.

Имперфектные *л*-формы, сохраняющие вспомогательный глагол в 3 лице, Э. Йовкова-Сии считает чисто модальными (в отличие от авторов, усматривающих у них как модальное, так и немодальное значение), имеющими собственное специфическое значение — вывод из сообщаемого (inference from report, с. 99), ср.: *Той е пиел много* 'Из того, что я слышал, я могу заключить, что он много пьет / много выпил' с имперфектным причастием (с. 99) и аналогичное высказывание с аористным причастием (с. 100): *Той е пил много. Лицето му е червено* 'Из того, что я вижу, я могу заключить, что он много выпил: у него красное лицо'.

В статье **Любомира Поповича** (Ljubomir Popović) «Употребление звукоподражательных междометий в сербохорватском и других литературных языках штокавского происхождения (функциональное взаимодействие дискурса и грамматики и дискурса и словаря)» дается всесторонний анализ звукоподражательных междометий с точки зрения фонетики, семантики, связи с производными глаголами, приводятся глагольные звукоподражательные неологизмы (ср.: *Pljacnulo je*), переносные употребления междометий, типы употреблений в нарративе (в речи повествователя, в прямой речи персонажа), анализируется синтаксический статус и позиция звукоподражательных междометий в составе содержащих их клауз.

В статье **О. Ю. Богуславской** «Предельность и непредельность русских прилагательных» обсуждаются признаки прилагательных «градуируемость» и «предельность», введенные Ю. Д. Апресяном в работах [Апресян 1968; 1974]. Автор показывает, что это независимые признаки. При этом градуируемость (которая отражается, в частности, в возможности сочетания с *более*, *очень* и т. п., ср.: *очень маленький*, *более богатый*) должна быть отражена в толковании, где предусматривается компонент, отвечающий за такую сочетаемость: *более дорогой дом* (*дорогой* — 'имеющий высокую цену'; компонент 'высокий' отвечает за градуируемость). Напротив, такое свойство, как предельность (способность сочетаться с наречиями полной степени признака типа *совсем*, *совершенно*, *абсолютно* и т. п.), невозможно отразить в толковании — предельность должна отражаться в зоне сочетаемости. При этом сочетаемость с наречиями полной степени признака лексикализована: так, если взять прилагательные из одного синонимического ряда, то их сочетаемостное поведение не совпадает: можно сказать *совсем безлюдный*, но не **совсем пустынный*; *совсем бедный*, но не **совсем малоимущий*.

Йенс Нёргор-Сёренсен (Jens Nørgård-Sørensen) в статье «Одушевленность в русском — субгендер?» отталкивается от точки зрения, что поскольку род детерминируется формами согласуемых слов, то в русском языке можно постулировать две категории рода — со значениями «одушевленность-неодушевленность» и со значениями «мужской-женский-средний» (собственно род). В [Corbett 1991] одушевленности приписывается подчиненный статус, зависимый от трех основных родов. Й. Нёргор-Сёренсен, напротив, считает, что, если одушевленность считать родовым противопоставлением, она не подчиняется собственно роду, а вступает с ним в определенные структурные отношения. В статье приводятся следующие соображения в пользу такого подхода.

Окончания существительных разных типов склонений не указывают на род однозначно. В то же время окончания некоторых групп существительных однозначно указывают на одушевленность (*-е* у сущ. м. р. мн. ч., ср.: *дворяне*) или неодушевленность (окончания 2-го родительного (*сахару*) или 2-го предложного (*в саду*, *в пещи*)).

Одушевленность задается простым семантическим противопоставлением активности-неактивности (это понятие вводится в работе [Nørgård-Sørensen 2011]), тогда как правила установления рода весьма сложны, особенно для несклоняемых существительных типа *кенгуру*, *фото*, *ками* 'представитель народности'. Для автора существенно, что одушевленность не зависит от рода, тогда как род, хотя бы в отдельных случаях, зависит от одушевленности.

Род прямо не влияет на деривацию, одушевленность влияет: например, прилагательные с суффиксом *-ин-*, ср. *мышинный*, производны от одушевленных существительных, а с суффиксом *-ов/-ев-* — преимущественно от неодушевленных. Если же от одушевленного существительного образуются оба прилагательных, они ведут себя по-разному (ср.: *лосинный* и *лосевый*).

При образовании аугментативов с помощью суффикса *-ин(а)* род исходного существительного сохраняется. Сами существительные могут быть как одушевленные (личные, ср. *дурачина*, и неличные, ср. *зверина*), так и неодушевленные (*голосина*), и, в соответствии с новым окончанием, они переходят во II-е (по академической грамматике, т. е. женское) склонение, где «исконные» существительные мужского рода (*мужчина*, *дядя*) были только одушевленные. В результате во II склонении возникает небольшая, но продуктивная группа неодушевленных существительных м. р. типа *голосина*. Для одушевленных существительных м. р. II склонения в атрибутивной конструкции в вин. п. характерно сочетание окончаний *-ого* и *-у* (*молодого мужчину*), в том числе и для одушевленных аугментативов (*молодого дурачину*, *молодого зверину*), т. е. и личные (*дурачина*) и неличные (*зверина*) одушевленные аугментативы во II склонении по синтаксическому поведению совпадают с личными существительными типа *мужчина*. У неодушевленных аугментативов в вин. п. возникает конфликт (**громкий голосину*), который разрешается в пользу согласования по женскому роду (*громкую голосину*). Основываясь на этих фактах, автор делает вывод о примате одушевленности-неодушевленности над родом в русском языковом сознании (сохраняя неодушевленность, производные существительные могут менять род). Вообще, неодушевленные аугментативы, по Нёргорд-Сёренсену, относятся к двум родам, что подтверждается фактами согласования в реальных текстах (приводятся примеры *обалденный голосина* — *такая голосина*; *страшным голосиной* — *своей голосиной*). В конструкции с малыми числительными, где личные аугментативы ведут себя как личные существительные мужского рода I и II склонений (*два дурачины* vs. *два мальчика* vs. *два мужчины*), неличные аугментативы (как неодушевленные, так и одушевленные) ведут себя как существительные женского рода: *две зверины*, *две голосины* (надо заметить, что таких примеров в текстах крайне мало, в частности в [НКРЯ] их вообще нет, так что едва ли можно с уверенностью утверждать, что возможно только такое согласование. — Г. К.).

Автор заключает, что, в отличие от других славянских языков, одушевленность в русском является более «фундаментальной» категорией, чем род: для носителей современного языка существительные в первую очередь делятся на одушевленные и неодушевленные, и только во вторую очередь распределяются по родам.

Третий раздел «**Ареальные подходы**» открывается статьей Андрия Даниленко (Andrii Danylenko) «Стратегии релятивизации в восточнославянских языках». Эти стратегии рассматриваются на фоне таковых в языках среднеевропейского стандарта (некоторые из них имеют неизменяемый маркер типа франц. *que*, другие, как немецкий, используют для релятивизации изменяемое относительное местоимение). Автор подробно рассматривает стратегии релятивизации не только в литературных восточнославянских языках, но и в диалектах. При этом он противопоставляет изменяемые (флективные) относительные местоимения (русс. *который*; укр. *який / котрий*; блр. *які / каторы*) и неизменяемый релятивизатор *что / що / што*, который может употребляться как с резюмптивным местоимением (укр. *Я зустрівся з земляком, що його я давно не бачив*), так и без него (блр. диал. *Хачу с'єсть суну, што ты вариши*). А. Даниленко показывает, что восточнославянские стратегии релятивизации представляют собой континуум, на восточном полюсе которого находится русский язык с преобладанием гипотаксической стратегии и изменяемым относительным

местоимением, на (условно) западном полюсе — украинский язык с преобладанием партаксических стратегий и неизменяемым относительным элементом, промежуточное положение занимает белорусский язык, у которого эти две стратегии сбалансированы. Вопреки мнению некоторых авторов (ср. [Murelli 2011]), приписывающих нетипичную эволюцию (в плане стратегий релятивизации) украинскому и белорусскому по сравнению с русским, А. Даниленко настаивает на том, что эта эволюция как раз типична, если объяснять ее в терминах социолингвистики и типологии. Дистрибуция склоняемых и несклоняемых релятивизаторов связана, по мнению автора, не с различием нормативного и разговорного языков, а с типами коммуникации, которые зависят от комплекса экстралингвистических факторов — стабильности социума, количества говорящих, типов социальных связей и т. п. (при этом автор ссылается на теорию Г. П. Мельникова).

Розанна Бенаккьо в статье «Грамматикализация в ситуациях языкового контакта: развитие артикля в резьянском диалекте» иллюстрирует грамматикализацию материалом одного из распространенных процессов в этой области — перехода указательного местоимения в определенный артикль и числительного — в неопределенный, что происходило во многих индоевропейских языках. Р. Бенаккьо обращается к грамматикализации артикля в ситуации языкового контакта резьянского диалекта с романским ареалом (резьянский диалект возник на основе словенского диалекта в долине Резья, и, поскольку он имеет собственную письменную традицию, иногда называется языком или микроязыком). В образовании обоих артиклей имел место сходный процесс: образование из полной, ударной формы краткой, клитической формы с утратой начального фонетического элемента: *jte* (дейктич. мест. им. ед. м. р.) → *te* (опред. артикль им. ед. м. р.), *dnä* (числ. 'один' им. ед. ж. р.) → *na* (неопред. артикль им. ед. ж. р.).

Краткие формы не имеют дейктической функции, а употребляются как проклитики и «выполняют все функции, которые считаются типичными для полностью грамматикализованного артикля» (с. 206—207). Функции определенного артикля: (1) анафорическая, (2) обозначение референта «по общим сведениям», (3) генерализующая (принято считать, что исторически функции артикля развиваются именно в такой последовательности). Все три функции автор обнаруживает в тексте Резьянского катехизиса XVIII в. Высокая частотность анафорического употребления подтверждает фундаментальную роль анафоры в становлении определенного артикля. Функции неопределенного артикля — показывать, что референт именной группы неизвестен слушающему; неизвестен говорящему; имеет родовое значение (класс объектов).

Исследование артикля в резьянском диалекте является частью намеченной автором программы, в которую входит также изучение артикля в хорватском говоре Молизе, находящемся в контакте с романским языковым ареалом, и в серболужицком языке, находящемся в контакте с немецким.

Статья **Мотоки Номати** (Motoki Nomachi) «О кашубской форме прошедшего времени *jō bēl* 'I was' в перспективе языкового контакта» посвящена грамматикализации в сфере глагольных форм.

В статье приводится целый ряд особенностей, отличающих кашубский от «типичных» славянских языков и сближающих его со средневропейским стандартом, которые объясняются влиянием немецкого языка (многие носители самого западного диалекта кашубского языка, на территории распространения которого немецкий был официальным языком практически 150 лет, были билингвами).

Так, например, личные местоимения 1 и 2 лица во многих славянских языках могут опускаться, если они не находятся в фокусе (не несут логического ударения). В кашубском, напротив, личные местоимения присутствуют. Их проклитизация является одним из показателей грамматикализации (согласно [Heine, Kuteva 2006]), которая, однако, не полностью завершилась, так как личные местоимения-подлежащие в кашубском все-таки могут быть опущены. Поскольку для славянских языков обязательность («неопустимость») местоимений не характерна, в отличие от языков средневропейского стандарта, частотное (пусть и не полностью облигаторное) употребление местоимений-субъектов в кашубском можно объяснить влиянием немецкого.

Другой признак — обязательное употребление формального субъекта (безударного местоимения) в безличных предложениях с «погодными» глаголами в кашубском (*W nocë to wi-alo*), аналогичного немецкому *es* (*Es hat gedonnert*) при невозможности формального синтаксического субъекта в других славянских языках (ср. польск. *Grzmiało*, но не **Ono grzmiało*). Опять-таки местоимение может быть опущено, но более естественно его употребление.

Задача автора — учитывая наличие германского влияния, выяснить, каково происхождение формы прошедшего времени *jô bël*. В кашубском языке существуют две формы прошедшего времени: *jô ǫ bël* 'I was', *të ǫ bël* 'you were' vs. (*jô*) *jem bël* 'I was', (*të*) *jes bël* 'you were', причем первую, — утратившую в своем составе форму настоящего времени глагола *bëc* в качестве вспомогательного компонента, — можно назвать грамматическим германизмом. Для объяснения конструкции *jô bël* могут быть выдвинуты две гипотезы: первая объясняет опущение формы настоящего времени служебного глагола *bëc* 'быть' в составе претерита влиянием немецкого, вторая — внутренним развитием кашубского языка, а именно использованием (т. е. неопущением) личных местоимений в прошедшем времени. Автор статьи придерживается второй гипотезы и приходит к выводу, что хотя более частое (по сравнению с другими славянскими языками) употребление личных местоимений в позиции подлежащего является, конечно, результатом немецкого влияния, однако исчезновение вспомогательного глагола (формы настоящего времени глагола *bëc* 'быть'), который указывал на лицо и число, является уже результатом внутреннего развития: вспомогательный глагол был утрачен потому, что на лицо и число теперь указывали личные местоимения, и употребление в той же функции еще и вспомогательного глагола стало прагматически и семантически избыточным.

Четвертый раздел «Типологические подходы» открывается статьей Кейко Митани (Keiko Mitani) «Лексикализация, словообразование и продуктивность: *мимо* в образовании глаголов в славянских языках». Под лексикализацией в словообразовании понимают, в частности, утрату мотивированности значений производных слов, невыводимость их значения из значений компонентов по правилам словообразовательной модели, и такая лексикализация связана с непродуктивностью и противопоставлена морфологической регулярности синхронных словообразовательных моделей (есть и другие понимания лексикализации, которые перечислены в статье). Тем самым продуктивные модели словообразования с участием продуктивных морфем, с предсказуемым значением производного слова, с регулярным, как выражается автор, соответствием формы значению (с. 246) исключаются из сферы лексикализации. Отношения между лексикализацией и продуктивностью в словообразовании автор рассматривает на примере использования *мимо* как глагольного словообразовательного форманта в старославянском и современном сербохорватском, или, в формулировке автора, — боснийском / хорватском / сербском (BCS), далее — БХС.

Мимо происходит из общеславянского **minoŭti* и первоначально употреблялось в качестве наречия. В старославянском *мимо* сочеталось с несколькими глаголами движения: *ити*, *хѡдити*, *несѣти*. Ряд авторов считает его приставкой, а последовательность *мимо* + глагол — приставочным глаголом. Однако К. Митани считает, что статус *мимо* как приставки в старославянском требует пересмотра: в постпозиции к глаголу *мимо* однозначно интерпретируется как наречие, однако сочетание *мимо* + глагол с препозицией *мимо* описывает практически ту же самую ситуацию. Так что и в препозиции *мимо* можно было бы считать наречием.

Иная картина в современном славянском словообразовании. В современных славянских языках приставка *мимо* встречается в основном в составе существительных (чеш. *мимоидоуш*), прилагательных (русс. *мимоезжий*), наречий (русс. *мимоходом*). В сербском и хорватском словарях представлена группа глаголов движения с приставкой *мимо*, но ее нельзя считать продуктивной: в активном употреблении сейчас только глаголы *мимоићи* (*se*) и *мимоилазити* (*se*). Грамматики БХС не рассматривают *мимо* как продуктивную приставку.

Другой вариант — рассматривать *мимоV* как сложные глаголы. Хотя сложение не является продуктивной моделью в славянском глагольном словообразовании, в БХС существует сложение наречия и глагола: *praznosloviti*, *krivotvoriti*. Эти композиты отличаются

от приставочных глаголов. Автор выделяет четыре признака, отличающие сложные (compound) глаголы (образованные сложением наречия и исходного глагола) от префиксальных. (1) Наречия — открытый класс, но адвербиальные единицы, участвующие в сложении, — закрытый класс. Напротив, префиксы — закрытый класс, однако они конституируют продуктивные словообразовательные модели. (2) Сложные глаголы композициональны (их значения выводимы из значений компонентов) и возводимы к транспарентной синтаксической структуре [[Adv + V]vp], приставочные — нет. (3) Адвербиальный компонент сложного глагола выражает образ действия или степень глагольного события, приставка выражает предел и модифицирует аспектуальное значение. (4) Сложение не меняет аргументную структуру глагола, тогда как приставка может ее изменить.

Глаголы модели *мимоV* полностью соответствуют первому признаку. По второму признаку: значение глагола *мимоV* в основном композиционально, но в некоторых случаях идиоматично (т. е. компонент *мимо* обладает свойствами приставки). По третьему признаку: *мимо* в составе *мимоV* обозначает не способ действия, а путь, в этом сходство *мимоV* с приставочными глаголами, а *мимо* — с приставкой. Наконец, *мимо* меняет аргументную структуру исходного глагола (как, например, в случае *мимоići*). Тем самым глаголы модели *мимоV* следует признать скорее префиксальными, хотя у них есть отдельные свойства сложных.

Таким образом, лексикализация не всегда связана с непродуктивностью. Префиксальный способ глагольного словообразования продуктивен, но значения приставочных глаголов часто идиоматичны.

Гревил Корбетт (Greville G. Corbett) в статье «Лексикализация и структура парадигмы: основные случаи в славянских языках» рассматривает действительно основные случаи «нестандартной» парадигмы: одушевленный каузатив, второй предложный и второй родительный в русском, счетные формы в русском и сербохорватском, и в связи с ними — проблему взаимодействия морфологии и синтаксиса. Существительных, имеющих, например, специальную форму второго предложного (локатива), довольно мало, а существительных, имеющих счетную форму, ничтожно мало. Нет смысла приписывать всем остальным существительным форму 2-го предложного (или счетную форму), которая совпадала бы с основной формой предложного (родительного). Это привело бы к невероятному усложнению правил синтаксиса. Вслед за [Brown 1998: 198 — 200] Г. Корбетт считает, что в морфологическом описании флективных языков должно быть два уровня представления: более общий (дефолтный), которому подчиняется более частный (содержащий специальные формы, встречающиеся у отдельных существительных), например, для предложного:

<singular locative>

<singular locative locative 2>

Правила синтаксиса в таком случае сохраняют общий характер и не требуют «приспособления» к особенностям парадигмы отдельных существительных.

Например, контекст предлогов *в* или *на* с точки зрения синтаксиса требует употребления второго предложного, и это правило останется неизменным, а если существительное не имеет соответствующей специализированной формы, будет — по умолчанию — употреблен ее ближайший аналог («пара»), т. е. первый предложный. В парадигмах «обычных» существительных вообще не будет клетки для второго предложного, следовательно, парадигма существительных со вторым предложным будет отличаться от парадигм большинства существительных, тем самым парадигмы со вторым предложным окажутся, так сказать, лексикализованными.

Елена Петроска (Elena Petroska) в статье «Эвиденциальность в македонском: проблемы лексикализации и грамматикализации», как бы уравнивая уклон (или даже перекося) в сторону грамматических средств выражения эвиденциальности, обращается к лексическим маркерам эвиденциальности *наводно* 'как говорят, якобы, будто бы' с репортативным значением, *изгледа* 'кажется' с инферентивным значением и *мора да* 'должно быть', в значении которого переплетается эвиденциальность и эпистемическая модальность (*Мора*

да дошел, му го слушам гласот 'Должно быть, пришел, я слышу его голос'). Автор настаивает, что подобные лексические единицы тоже должны быть включены в инвентарь средств выражения эвиденциальности.

В. С. Храковский в статье «Статус предикативных значений, выражаемых глагольными лексемами и грамматическими морфемами (значения *быть* и *притворяться*)» обращается к одной из ключевых проблем лингвистики — проблеме разных способов выражения языковых значений из универсального набора (см., в частности, [Мельчук 1974; Плунгян 2011]) лексическими и грамматическими средствами. Основные рассуждения предваряются обзором, в котором говорится о двух вариантах грамматикализации в сфере глагольной лексики: служебное значение глагола может существовать наряду с исходным лексическим (ср.: *взял да и порезал*, где *взял* (*да и*) используется как показатель адмиратива), глагол может утрачивать лексическое значение и превращаться в служебный (ср.: якутский служебный глагол *эр-*, выражающий начинательное значение). В качестве служебных могут использоваться глаголы с абстрактным лексическим значением (*делать*, *становиться*, *быть*, *говорить*, *давать*). Глагол *притворяться* в таком контексте обычно не рассматривается. Между тем, утверждает автор, *притворяться* (и другие члены соответствующего синонимического ряда — *делать вид*, *прикидываться* и т. п.) по функционированию аналогичен глаголу *быть*, основное (связочное) значение которого автор считает грамматическим (с. 293) в том смысле, что, в отличие от глаголов типа *читать* или *убивать*, значение которых соответствует определенной ситуации и сохраняется при любом лексическом заполнении аргументных позиций, глагол *быть* не несет информации о ситуации и образует разные конструкции при разном заполнении второй позиции.

Глагол *притворяться* ('как бы быть' — мнимый мир моделируется по образу реального) рассматривается на фоне *быть*. Ситуация «притворяться» является абстрактной, так как под нее подводятся все конкретные ситуации притворства. В других языках имитативное значение может выражаться грамматическими средствами.

Ханну Томмола в статье «Недостоверное сравнение в русском и других славянских языках по данным параллельного корпуса» ставит перед собой задачу прояснить «взаимные связи сравнительных конструкций с выражением эвиденциальных значений» (с. 302). Конкретно имеется в виду так называемое недостоверное сравнение (ср.: *Прокуратор <...> передернул плечами, как будто озяб, а руки потер, как бы обмывая их* (М. Булгаков)). Большая часть статьи посвящена обзору способов передачи русских сравнительных союзов и частиц средствами других славянских языков (берутся переводы «Мастера и Маргариты» из параллельного корпуса). В последнем разделе автор рассматривает средства выражения незасвидетельствованности *якобы*, *мол*, *дескать*, *как говорится* (которые соответствуют формам непрямой эвиденциальности в тех языках, где эти значения грамматикализированы, например, в болгарском). Так, частица *якобы* может использоваться не только для выражения недостоверности при пересказе чужих слов или других источников (*Один московский вун рассказывал, что якобы вот во втором этаже знаменитый писатель читал отрывки из «Горя от ума»*), но и для выражения сомнения повествователя в каких-то признаках наблюдаемой ситуации (*Вы увидите, как эти, якобы денежные, бумажки исчезнут*). В итоге автор включает оба типа маркеров в единый список средств недостоверного сравнения, хотя и оговаривает, что показатели типа *якобы* имеют особый статус. Такое объединение все-таки не кажется убедительным, так как недостоверное сравнение — сознательно применяемый говорящим изобразительный прием, а незасвидетельствованность — «объективное» состояние нехватки информации, обусловленное внешними причинами. А использование *якобы* в непересказывательных контекстах можно объяснить, например, как попытку опровергнуть заявление воображаемого защитника неправильной точки зрения (при этом пересказывательность подразумевается).

Пятый раздел «Глагольные категории» открывается статьей «Семантика предела в системе глагольного вида и в сфере лексико-грамматических разрядов», в которой **А. В. Бондарко** рассматривает, как интерпретируются инвариантные элементы категориального

значения совершенного вида ‘ограниченность действия пределом’ и ‘целостность’ для разных семантических классов глаголов.

Статья **Е. В. Падучевой** «Моментальные глаголы совершенного вида и их производные имперфективы» посвящена семантическим источникам моментальности и типам производных стативов от моментальных глаголов. Автор выделяет постсобытийные стативы, обозначающие перфектное состояние (*Он заслонил экран* → *Он заслоняет экран*; *Лингвист включил* → *включает эти слова в другую группу*), и предсобытийные стативы, обозначающие предстояние (*Его отчисляют*) или тенденцию (*Нервы сдают*; *Мы опаздываем*).

Каролина Скварска в статье «Роль лексического наполнения в конструкциях с отношением семантической диатезы в чешском, русском и польском языках» рассматривает некоторые диатезы в славянских языках с точки зрения количества участвующих в них глаголов и лексических ограничений на заполнение валентностей глагола. Автор обращает внимание на то, что в одних случаях один и тот же тип диатезы имеет значительная группа глаголов (например, глаголы неагрессивного контакта в русском: *гладить кому голову* — *гладить кого по голове*, см. список в [Апресян 2010: 349]), а в других такие глаголы единичны, более того, лексическое заполнение валентностей ограничено. Так, в польском целая группа глаголов (*spasać, spaść, skarmiać, skarmić*) имеет диатезы типа ‘кормить лошадей овсом’ — ‘кормить овес лошадям (= скармливать)’, а в чешском этой группе соответствует один глагол *krmit*, у которого, к тому же, вторая диатеза (‘кормить овес кому’) относится к профессиональной речи и имеет ограничения в лексическом наполнении (в ней допустимы названия лишь нескольких кормовых культур).

Шестой, заключительный, раздел сборника «Словарь в грамматике и грамматика в словаре» открывается статьей **Ю. Д. Апресяна** с соответствующим названием: «Грамматика в словаре и словарь в грамматике». Автор показывает, как глагольные категории и синтаксические признаки взаимодействуют с лексическим значением: эвиденциальные и нарративные значения глаголов *смотреть* и *глядеть* (*Вышел на опушку* — *смотрю* <гляжу, смотрит, глядит> — *заяц бежит*) не употребляются во 2 лице, так как «нарративность глагола несовместима с диалогичностью всего высказывания» (с. 369); глаголы неавтономного перемещения, в принципе управляющие формами предложного и творительного (*ехать в Париж на поезде / поездом*), в актуально-длительном и процессном значении присоединяют только предложный (*Пока я ехал на автобусе, я прочитал всю газету*), но не творительный (**Пока я ехал автобусом, я прочитал всю газету*). Ю. Д. Апресян называет такие явления «грамматикализацией словаря» — когда грамматические правила с ограниченной или уникальной лексической областью действия должны помещаться в словарные статьи соответствующих лексем.

Противоположное явление — словарь в грамматике — охватывает случаи, когда при формулировании грамматических правил или синтаксических отношений упоминаются лексические классы слов. Это явление иллюстрируется длительной конструкцией русского языка (*Он болел неделю; Он болтал весь урок*).

Анализируя семантику союза *пока* в статье «Проблемы описания союза *пока*», **Адриан Барентсен** противопоставляет свой подход подходу, предложенному в [Iordanskaja, Mel'čuk 2009]. Эти авторы, в соответствии с концепцией «Смысл ⇔ Текст», представляют употребление *пока* в виде ряда лексем, тем самым проблема инварианта не возникает. В основе подхода А. Барентсена лежит (восходящая к Соссюру) идея, что необходимо «абстрагироваться от наблюдаемых различий между “вариантами”, чтобы найти некий общий знаменатель — “инвариант” (“общее значение”))» (с. 378). После этого необходимо указать, каким образом варианты «выводятся из инварианта, как они связаны между собой и какие факторы действуют при их различении» (с. 379). Инвариантной во всех употреблениях союза *пока* А. Барентсен считает идею фона и его прекращения. У ситуации главного предложения Р есть сопутствующие обстоятельства, фон (ситуация придаточного Q), который должен прекратиться — тем самым исчезнет основание для продолжения самой ситуации Р: *Она*

стреляла [Р], пока были патроны [Q]. Помимо тщательного анализа вариантов с разным соотношением видо-временных форм сказуемого в главном и придаточном, в статье также высказаны интересные соображения по поводу примеров с отрицанием — как с эксплезивным (*Маша будет стучать, пока не откроют ≈ пока откроют*), так и с «настоящим» (*Нужно успеть на метро, пока оно не закрылось*).

В статье «Экспрессивность как словообразовательный элемент (на примере словенских глаголов)» **Андрея Желе** рассматривает производные глаголы, модификационный аффикс которых имеет не только словообразовательное, но и экспрессивное значение, ср.: *telefonirati* ‘звонить’ → *telefonariti* ‘много раз, часто звонить; названивать’. В статье приводится большой и разнообразный языковой материал, обсуждаются процессы, происходящие в сфере производных экспрессивных глаголов: образование неологизмов (*evrobirokratiti* — ‘евробюрократствовать’), сокращение валентностей (новообразованный глагол, обозначающий ситуацию с субъектом и объектом, имеет только одну из этих валентностей — субъекта, ср.: *mejlati* ‘посылать мейлы’, *šopingirati* — ‘закупаться, делать покупки’ — как видно из примеров, происходит инкорпорация второго участника).

Сборник завершает статья **Л. Л. Иомдина** «Хорошо меня там не было: синтаксис и семантика одного класса русских разговорных конструкций». Статья открывается обзором конструкций микросинтаксиса, трудность описания которых в том, что они находятся «на пересечении грамматики и словаря» (с. 425). Собственно рассмотрение конструкции *Хорошо меня там не было* предваряется обзором употреблений *хорошо* в разных частеречных ипостасях (наречие, краткое прилагательное, предикатив — последний автор считает кратким прилагательным) и в разных конструкциях: *Впечатление хорошо тем, что...; хорошо играет на скрипке; Как хорошо уметь читать; Как хорошо, что мы здесь; Хорошо, когда ты подготовлен заранее; Хорошо, если конь закусил удила; Хорошо ли, что он ушел?* Ни в одном из перечисленных случаев присоединения придаточного к *хорошо* опущение союза *что* невозможно: **Как хорошо мы здесь; *Хорошо ли он ушел* (в отличие от случаев типа *Похоже, что он ушел — Похоже, он ушел — Он, похоже, ушел*). Напротив, контекст частиц *еще* и *хоть* (с уступительным значением) допускает опущение союза *что*: *Хорошо еще, что не проиграли — Хорошо еще не проиграли; Хорошо хоть, что не проиграли — Хорошо хоть не проиграли*. Рассмотрев все возможные интерпретации *хорошо* в конструкциях типа *Все перессорились, хорошо не передрались*, приведя их исчерпывающий семантический анализ и толкование (‘Q; хорошо P; если бы не имело места P, то имело бы место R’), автор приходит к убедительному выводу, что *хорошо* в соответствующей конструкции не прилагательное и не наречие, а союз, находящийся в стадии грамматикализации и близкий по поведению и по семантике к уступительному союзу *правда*. Автор также замечает, что союз *хорошо* заполняет семантическую нишу, оставленную союзом *благо*.

Читателей, которые хотят составить представление об основных трендах, подходах, проблемах современной славистики, эта книга, несомненно, заинтересует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1968 — Апресян Ю. Д. Об экспериментальном толковом словаре русского языка. Вопросы языкознания. 1968. № 5. С. 34—49. [Apresjan Y. D. On the experimental explanatory dictionary of the Russian language. *Voprosy jazykoznanija*. 1968. No. 5. Pp. 34—49.]
- Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. [Apresjan Yu. D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva jazyka* [Lexical semantics. Synonymic means of language]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Апресян 2010 — Апресян Ю. Д. (ред.). Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М.: Языки славянских культур, 2010. [Apresjan Yu. D. (ed.). *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodejstvie grammatiki i slovary* [Theoretical problems of the Russian syntax. Interaction of grammar and vocabulary]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010.]
- Зализняк 1995 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1995.]

- Мельчук 1974 — Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М.: Наука, 1974. [Mel'čuk I. A. *Opyt teorii lingvističeskikh modelei «Smysl ⇔ Tekst»* [An attempt of theory of linguistic models «Meaning ⇔ Text». Moscow: Nauka, 1974.]
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Bjørnflaten 2009 — Bjørnflaten J. I. Grammaticalization theory and the formation of gerunds in Russian. *Wiener Slawistischer Almanach*. Sbd 74. 2009. Pp. 9—28.
- Brown 1998 — Brown D. *From the general to the exceptional: a Network morphology account of Russian nominal inflection*. PhD thesis, Univ. of Surrey, 1998.
- Corbett 1991 — Corbett G. G. *Gender*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.
- Heine, Kuteva 2006 — Heine B., Kuteva T. *The changing languages of Europe*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- Hopper, Traugott 2003 — Hopper P., Traugott E. *Grammaticalization* (Cambridge textbooks in linguistics). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Iordanskaja, Mel'čuk 2009 — Iordanskaja L., Mel'čuk I. Semantics of the Russian conjunction POKA 'while, before, until'. *Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern — Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache: Festschrift für Daniel Weiss zum 60*. Berger T., Giger M., Mendoza I., Kurt S. (Hrsg.). Wien: Geburtstag, 2009. Ss. 237—262.
- Murelli 2011 — Murelli A. *Relative constructions in European non-standart varieties*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011.
- Nørgård-Sørensen 2011 — Nørgård-Sørensen J. *Russian nominal semantics and morphology*. Bloomington (Indiana): Slavica publishers, 2011.
- Traugott 2005 — Traugott E. C. Constructions in grammaticalization. *The Handbook of historical linguistics*. Joseph B. D., Janda R. D. (eds). Oxford: Blackwell Publ., 2005.